



К поэзии идут через слово. К поэзии приходят сквозь слово. Иного пути у поэта, пожалуй, нет. Не прекословя пословице, слово терпеливее воды точит гранит, проникает под лежащий камень в поисках мысли.

Своё слово Василий Чубур обрёл не сразу. Годы странствий по степям Киргизии, возвращение на Украину, поиск поэтического языка, выстраданного в двух речевых стихиях — русской и украинской. Ему, как и, например, его однокурснику по Высшим литературным курсам в Москве писателю-чернобыльцу Владимиру Шовкошитному, пришлось сделать выбор. Его русский зазвучал в авторских поэтических книгах, альманахах, литературных журналах. А тяга к языку предков воплотилась в многочисленных публикациях переводов украинских поэтов. Хотя, кто наши истинные предки, известно лишь предвечности.

Читая Василия Чубура, начинаешь понимать, что национальная окраска не является верхней нотой в хроматической гамме поэзии. С его помощью постигаешь Бытие через Слово, которому не нужен перевод. Ибо Слово было, есть и пребудет в самом Начале.

\* \* \*

Я без любви, как будто без лица.  
И вера, и надежда — обманули...  
В окно летит цветочная пыльца —  
Наверно, ищет пчёл, но дом — не улёт.  
Себя не узнаю. И не слепой,  
А вот не вижу даже ближней цели...  
Где пчёлы? Может, вымерзли зимой?  
Так почему же осы уцелели?  
Час едких истин пробил. И всерьёз.  
И нет с прозреньем этим горьким сладу.  
Наверняка, есть польза и от ос,  
Но мёд осиный только им и сладок.

### Пасхальное

Так ночь ясна, что все углы,  
всё прошлое — наружу.  
Что там, обида ли, беда?  
Да нет, вертеп сплошной.  
Но ветры взвоют за стеной,  
и в дрожь бросает душу,  
И страх берёт ... Какая связь  
меж ветром и душой?

И что-то вечное в груди,  
как вопленица, плачет,  
И что-то тленное во мне  
насторожило слух...  
Неужто близко, при дверях?  
А курочка кудахчет  
О золотом своём яйце —  
пугаться недосуг.

Есть у хохлушек свой устав,  
свои грехи, свой постриг.  
Кто поклонётся, что у кур  
не храмовая стая?  
И не на всякое яйцо  
есть свой мышинный хвостик,  
Иначе б не было кого  
по осени считать.

\* \* \*

Цыганка-молдаванка нагадала:  
“Ой-ей, касатик, опасайся жала!”  
...Пытаясь избежать судьбы своей,  
Так под ноги глядел,  
что не споткнулся  
Ни разу в жизни: опасался змей...  
А умер — от пчелиного укуса.  
Чревато ждать подвоха от земли,  
Забыв о небесах...  
Учился слабо.  
А знал бы зоологию, то знал бы:  
Не жало — зуб смертелен у змеи.

\* \* \*

Космоса ветшающий акрополь,  
Недра остывающей золы...  
Тополь мой, пирамидальный тополь,  
Ты куда рванулся от земли?

Млечный свет обманчив — притворился  
Вечным и обманутых манит,  
А по сути звёзды — те же листья,  
Только не привычные на вид.

Облетят. И в бездне растворится  
Солнца дотлевающий листок.  
Но поверь мне, тьма не воцарится,  
Потому что есть иной восток.

Есть иное солнце — Лик Господень...  
Может, запуская в небо ветвь,  
Подражаешь ты людской свободе?  
За неё придётся дать ответ.

Как ни воспаряем, а подняться  
До высот бессмертья не вольны.  
Вот звездой не звёздам поклоняться  
Потому и учены волхвы.

Что шумишь и тянешься из ряда  
Крон соседних? Всё наоборот:  
Чтобы выше звёзд подняться — надо  
Стать и ниже трав, и тише вод.

Могут — свято любящие только.  
Но любовь святая во стократ  
Тоньше нашей, грешной, а где тонко,  
Там у нас и рвётся. Так-то, брат.

Ничего. Поверим хоть на вечер,  
Что не век царить мертвящим снам,  
Ведь зачем-то гонит, гонит вечность  
Кровь по жилам, соки по стволам...

\* \* \*

Народ, он малочисленной толпы,  
Но целеустремлённей, крепче духом.  
Настроен слух его на глас трубы,  
Зовущей к высям за небесным кругом.  
И раскалён её литой мундштук  
Дыханьем тех, кто понимал, что звук  
Очистить можно только тем Огнём,  
Сплавляющим гортань и окаём...  
Дано и стпеть им было, и сгореть,  
Но до сих пор не остывает медь  
Трубы-предтечи века золотого,  
Звучащей о родстве всего земного,  
Ведущей о людском единстве речь...  
Прижаться к ней губами — губы сжечь.